

Корреляция коннотативного аспекта имени прилагательного

Научный руководитель – Кузьмин Леонид Алексеевич

Шустина Наталья Владиславовна

Аспирант

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: andrewwin@yandex.ru

Корреляция коннотативного аспекта имени прилагательного

Аннотация

Данная статья посвящена семантической модели имени прилагательного, в частности коннотативному аспекту. Автор приводит примеры некоторых прилагательных и их коннотативные значения в английском и русском языках. Кроме того, в статье раскрыта семантическая модель имени прилагательного.

Ключевые слова: семантическая модель, коннотация, референт, имя прилагательное.

Annotation

This article is devoted to the semantic model of an adjective, particularly to its konnatative aspect. The author gives examples of some adjectives and of their konnatative definitions in Russian and English languages. Besides, a semantic model of an adjective is explained in the article.

Key words: a semantic model, konnatation, a referent, an adjective.

Трехмерная семантическая модель, предлагаемая в качестве основания для классификации лексического заполнения основных знаменательных частей речи (существительного, глагола, прилагательного наречия) в рамках единой системы, определяется тремя аспектами значения слова, выделяемыми лексической семантикой: денотативным, сигнификативным и коннотативным. Согласно традиционному определению, денотативное значение слова определяет некоторый класс референтов, т.е. явлений объективной реальности, объединяемых определенным набором релевантных семантических признаков, составляющих в своей совокупности сигнификативное значение данного слова. Факультативное коннотативное значение слова отображает дополнительные оценочно-стилистические семантические «обертоны», зачастую более или менее субъективного характера [2, с.225].

Широко распространенным в литературе является отождествление понятий денотата и референта: «Обозначаемый словом фрагмент действительности называется денотатом. Денотат может представлять собой как целый класс предметов, так и конкретный единичный предмет, который иногда называют референтом» [1, с.155, 156].

Представляется, что значение показывает референт, соотносится с ним определенным образом, но по своему существу отличается от него, как и от всей экстралингвистической действительности в целом, именно своей отнесенностью к семантической, т.е. собственно языковой сфере [2, с.225].

Коннотация же является разновидностью связанной со словом, так называемой прагматической информацией, поскольку отражают не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определенный взгляд на них. В отличие от других видов прагматической информации, это отношение принадлежит говорящему не как отдельной личности, а как представителю языкового сообщества. Так, например, слово *кляча* несет эмоционально-оценочную прагматическую информацию об отношении говорящего

как личности к обозначаемому этим словом объекту, и, употребляя это слово применительно к некоторой лошади, мы неизбежно выражаем свое собственное неодобрительное отношение к ней. В противоположность этому говорящий, используя лексему, имеющую определенную коннотацию, не выражает этим своей личной точки зрения на обозначаемый объект; например, употребляя слово *лиса* для обозначения животного, мы не выражаем тем самым своего мнения о хитрости лисы. Тем не менее, связь между лисой и хитростью присутствует в сознании говорящего - в той его области, которую в социальной психологии называют коллективным бессознательным.

Ассоциативная направленность нашего мышления теснейшим образом связана с рефлексорной теорией как учением о замыкании связей и, таким образом, имеет не только психическую, но и физиологическую природу, предопределяя взаимоотношения индивидуума с объективной реальностью. Исходя из этого, вполне правомерно предположить, что любой объект действительности и любое понятие, зафиксированное в сознании, имеет различные формы реализации, среди которых образное представление или образная ассоциативная соотнесенность играет далеко не последнюю роль. «Образование ассоциации - это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [Рубинштейн: 1997, 136]. В результате сложившегося симбиоза члены устойчивой ассоциативной связи в процессе мышления могут заменять друг друга без ущерба для общего смысла.

В отличие от понятийного представления, ассоциативно-образный аналог абстрактного понятия, предмета, действия, признака предмета или признака действия, репрезентирующий структурный элемент или ситуацию реальной действительности, доступен для непосредственного восприятия, а в силу образной структуры и эмоциональной окрашенности удобен для запоминания, воспроизведения и передачи от одного субъекта другому в пространстве и времени. В отношении предметов реальной действительности существование образных аналогов носит комплиментарный характер: 'самолет' - 'стальная птица', 'Санкт-Петербург' - 'окно в Европу'; в то время как при соотнесении образного эквивалента с признаком, не имеющим наглядных форм реализации на денотативном уровне, наличие такой связи является единственно возможным средством его толкования и приобретает практическую необходимость: 'смелый' - лев, 'коварный' - змея и т.д. В этой связи определение метафорического переноса как вторичной косвенной номинации кажется недостаточно убедительным. Вполне возможно, что механизм презентации признаков с помощью конкретно-образных метафорических структур по времени опережает создание отвлеченной лексики, условно фиксирующей их значения. В пользу этого предположения свидетельствуют многие факторы, в частности, структурные компоненты первых графических языковых систем, в образной форме отображающие смысл отвлеченных понятий.

В данной работе мы будем говорить о том, как эта трехмерная модель раскрывается на примере имени прилагательного. Прилагательное, входя в состав кардинальных частей речи наряду с такими фундаментальными конституентами языковой систем, как существительное и глагол, существенно уступает последним в изученности. Причины такого положения заключаются, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, основные «строительные блоки» полноценных высказываний — существительное и глагол — надолго сконцентрировали исследовательское внимание вокруг себя именно вследствие своей центральной, организующей воли в коммуникативной и номинативной составляющей языка. Доказательством этого может служить достаточно простой эмпирический факт: представимы довольно пространственные текстовые протяженности, вообще лишённые прилагательных — несмотря на несколько сниженную выразительность и красочность этих текстов, они не станут от этого менее адекватными носителями базовой информации. В то же время тексты сколько-нибудь внушительной протяженности, лишённые существительных или

глаголов, едва ли представимы в системах межчеловеческого общения [2].

Отчасти, меньшая исследованность прилагательного заключается в его подчинении существительному в составе предложения, на что указывает А.И. Смирницкий: «Прилагательно, в отличие от существительного, по самой своей природе характеризуется своей несамостоятельностью: оно всегда предполагает существительное, к которому оно и «прилагается» [Смирницкий, 1959. 151-152].

Прилагательное в течении долгого времени как бы находится «в тени» существительного, заслоняется своей «старшей сестрой» по категории имени. В. М. Жирмунский приводит цитату из «Записок по русской грамматике» А. А. Потебни: «В истории языков, различающих название вещи и признака (а не все это делают), прилагательное, как выделенное из связи признаков, как более отвлеченное, чем существительное, позднее существительного и образовалось от него».

Эта же проблема, а именно место прилагательного как части речи в общеязыковой системе и внутри категории имени, привлекает внимание целого ряда других известных ученых. Так, И.И. Мещанинов [Мещанинов, 1978.253-263], со ссылкой на труды Н.Г. Прокофьева, отмечает ряд трудностей вычленения прилагательного в языках самоедской группы, что на наш взгляд, можно экстраполировать и на другие языки с икорпорированием. «Таким образом — продолжает И.И. Мещанинов [Op.cit., 255]- граница между именем существительным и другими частями речи оказывается далеко не всегда вполне ясной, и в целом ряде языков эти границы различны. В одних языках имя существительное расширяется в своем охвате, в других — сужается. В некоторых языках с трудом прослеживается даже противопоставление глаголу».

Как известно, имя прилагательное изменялось в процессе хронологии английского языка. Соответственно, менялась и трехмерная модель этой части речи. В частности, сохраняя такие аспекты как денотат и сигнификат, имя прилагательное коррелировало свое коннотивное значение в процессе истории как таковой. Равносильно тому как менялось отношение человека к тому или иному признаку, менялось и его коннотативное значение. Сначала, в дописьменный период, оно было как существительное, типа "девица-краса". То есть, по сути, эмоциональный окрас имел очень большое значение, выражая субъективно-эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания. Коннотации практически всегда являются оценочно-поляризованными, т.е. выражают какую-либо положительную либо отрицательную оценку говорящего.

В зависимости от языка, одно и то же понятие может быть обозначено различными прилагательными в разных языках. И, как известно, прилагательное, как и другие знаменательные части речи может иметь как сигнотативное, так и коннотативное значение. В качестве примера возьмем два прилагательных, обозначающих цвета — белый и черный и посмотрим разницу употребления этих слов в русском и английском языках. Черный цвет олицетворяет тьму, ночь, пустоту, траур, безразличие, депрессию, упадок духа и смерть. Характерно традиционное соотнесение черного цвета с чем-то плохим, а белого - с хорошим, причем под влиянием американского варианта английского языка оно получило в британском дополнительную актуализацию. Поэтому составные номинативные группы с прилагательным **black** имеют негативные коннотации, а прилагательное **white**, как правило, входит в состав номинативных групп, имеющих положительные оттенки значения. Действительно, **black sheep** [черная овца], **black market** [черный рынок], **blackmail** [шантаж (букв. черная почта)], **black soul** [черная душа] - во всех этих случаях **black** ассоциируется со злом; к тому же это цвет траура, цвет смерти: **black dress** [черное платье], **black armband** [черная нарукавная повязка].

Напротив, **white** - цвет мира (**white dove** - белый голубь, символ мира), цвет свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого. Ср. у У.Блейка в стихотворении "The

Little Black Boy" ["Черный мальчик"]: **And I am black but Oh, My soul is white** [Я черный, но душа моя бела (Пер. С. Степанова)].

Даже когда **white** сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, **white** смягчает, облагораживает негативное значение последнего: **white lie** - ложь во спасение, морально оправданная ложь (ср. русское черная зависть - белая зависть).

Вообще метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг. Интересное культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане - на дождливый: **against a rainy day**.

Чтобы показать ослабление коннотативной части прилагательного в процессе хронологии английского языка, возьмём несколько прилагательных изменивших эмоциональный окрас своего значения. Например, прилагательное *rich* произошло от древнеанглийского слова «*ric*», что означает «сильный, могущественный». В современном же английском языке значение менее эмоционально окрашенное - «богатый». Или, например, английское прилагательное *little* произошло от древнеанглийского «*lytel*», что означало «небольшой, немного, маленький в размере или числе, короткий в расстоянии или времени, неважный». В современном английском у этого прилагательного основные значения это «маленький, мало».

Человеческий язык, как известно, возник на базе сигнальных систем животных. Сигналы животных в отличие от человеческого языка способны выражать только эмоциональное состояние. Язык человека может отражать объективный мир, а это уже денотат. То есть, можно сделать вывод, что коннотативное значение английских прилагательных было особенно сильным в период становления языка, а затем пошло на убыль. Можно, конечно же, предположить что в процессе развития языка и доминирования деннотативного значения слов, коннотат и вовсе исчезнет, но тогда это означало бы и исчезновение поэзии и прочего выражения эмоций в нашей речи.

Библиографический список

- 1) Афанасьева 1994: Адъективный класс лексики в английском языке и и формы его репрезентации : Дис. ...д-ра филол.наук: 10.02.04 — М., 1994 — 395 с.
- 2) Быстрова 1976: Быстрова Л.В. Применение корреляционного анализа для изучения синонимических и антонимических связей прилагательных // Вопросы терминологии илингвистичекой статичтики. -Воронеж, 1976
- 3) Глинских Г.В., Петрова О.В. Введение в языкознание. Нижний Новгород, 1998
- 4) Жирмунский 1976: Жирмунский В.М. Происхождение категори прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // В.М. Жирмунский. Общее и германское языкознание. Избранные труды. -Л.: Наука, 1976. - С. 209-235
- 5) Кузьмин Л.А., Актуальные проблемы адъективистики в современном языкознании, с. 215 — 237, Вестник Смоленского государственного университета, Серия1: Филология. Том 1. Смоленск, 2007
- 6) Сильницкий Г.Г., Семантика. Грамматика. Квантативная и типологическая лингвистика. Смоленск, ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006
- 7) Смирницкий 1959: Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М.: Изд-во литературы а иностранных языках, 1959. - 440 с.
- 8) <https://dictionary.cambridge.org/>

